

Таким образом, высокую степень общественной опасности приобретают ультра-радикальные политические силы, обосновывающие неизбежность своих агрессивных насильственных действий из абсолютизации необходимости кардинальных оперативных общественных перемен. В результате складывается питательная почва для формирования и распространения норм асоциального и аморального характера.

Из сказанного радикализм предстает систематизирующей категорией политического мышления. В ее содержании, на наш взгляд, заключено «ядро» предметной области понятий, отражающих процессы деградации сложившихся в политической деятельности норм и ценностей. В этом качестве данный феномен выступает особым духовно-практическим образованием в общественной жизни со своей природой, структурно-функциональными проявлениями и историческими формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973.
2. Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В. С., Филатов В. П. М., 1991.
3. Философско-энциклопедический словарь. М., 1983.
4. Франк С. Л. Этика нигилизма // ВЕХИ: Сборник статей русской интеллигенции. Репринтное издание. 1909. М., 1990.

*Вера Владимировна ГАВРИЛЮК —
заведующая кафедрой социологии и
социального управления ТюмГУ, доктор
социологических наук, профессор*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ МАСКУЛИННОЙ КУЛЬТУРЕ

Социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин в современном мире претерпевают значительные изменения, а значит, меняются и базовые гендерные установки, что, в свою очередь, меняет более тонкие психологические установки. Индивидуально-психологические различия оказывают влияние на социальную структуру, но глобальные фрейдистские модели для объяснения социальных изменений непригодны. Исходным пунктом анализа этих изменений должны быть не психология и культурология, а гендерная стратификация. Гендерная стратификация в современном социуме связана с изменением роли мужчин и женщин в производственных отношениях, семье, характере мужской и женской социализации. Эти изменения преломляются в культуре и массовом сознании и формируют индивидуально-психологические различия. Таким образом, логика исследования типов маскулинной культуры современной молодежи требует разграничивать:

— объективные социально-структурные изменения;

— их отражение в массовом сознании;

— индивидуально-психологические различия, порождаемые первым и вторым.

Первое и второе может выступать предметом социологического анализа, а индивидуально-психологические различия исследуются в рамках различных отраслей психологии. Социологи могут учитывать как современный научный факт феномен гетерогенности пола. Представления о маскулинности и фемининности позволяют

составить некий обобщенный психологический портрет мужчины и женщины. Итак, современный мужчина «стремится сдерживать свои эмоциональные проявления, не склонен к спонтанному самораскрытию, имеет «защитный панцирь» из норм и правил (эмоциональность, открытость, индивидуализированность языка могут быть показателями либо психологического неблагополучия, дезадаптации, либо эмоциональной нестабильности, либо несоответствия стереотипам мужественности); ощущает себя «в порядке, будучи интегрированным в группу; деятельностно ориентирован, для него важно ощущение субъектности, собственной роли в достижении успеха; склонен к объективизму, опирается на факты; уважает себя, если соответствует социально-желательным характеристикам». Женщина ориентирована на межличностное общение; ей органично присуща способность к эмоциональному, привлекающему внимание окружающих, выразительному самоопределению; выраженность этой способности говорит о ее психическом благополучии и о хорошей социальной адаптации (ее отсутствие говорит или о необщительности, или о тревожности и неуверенности в себе, или о чрезмерной мужественности); она несколько импульсивна, склонна к субъективизму, строгое следование социальной желательности воспринимается ею как насилие над собственным Я и ведет к самоотчуждению; ее самоотношение более целостно, меньше зависит от социальной желательности и носит самопрезентационный характер» [3, с. 99–100].

Типичность типичного мужчины и типичной женщины носит условные границы, более того, исследование процессов гендерной социализации позволяет утверждать наличие, по крайней мере, четырех подгрупп: «маскулинных» мальчиков и «фемининных» девочек, «фемининных» мальчиков и «маскулинных» девочек в зависимости от взаимосвязи факторных структур [2, с. 189]. Таким образом, гетерогенность пола как сочетание свойств личности, при котором на разных уровнях ее организации могут быть представлены признаки противоположных полов, проявляется уже в период социализации.

Гендерный подход сегодня применяется в различных областях гуманитарного знания: социологии, философии, культурологии, языкознании. Это, с одной стороны, позволяет по-новому взглянуть на известные факты, а с другой стороны — порождает проблему верификации понятий, используемых этим подходом. Некоторые термины гендерного подхода — дискурс, гендер, патриархатный, женская этика, женская литература — уже широко вошли в современный научный и литературный языки. Например, в феминистской литературе широко используется термин «патриархатный» (а не патриархальный, что правильно с точки зрения грамматики), что имеет свое обоснование. «Патриархальный — связанный со стариной, верный традициям, обычаям; патриархат — строй, характеризующийся отцовским родом, в котором мужчина занимает господствующее положение. Понятно, что дискурс феминистского сообщества принимает (а сразу и высказывает, объясняет высказанное) слово патриархатный, тем самым подчеркивая маскулинность современной культуры» [7, с. 73].

Е. Трофимова определяет понятие «гендер» как культурно-символическое определение пола. Термин гендер подчеркивает не природную, а социокультурную причину половых различий. «Маскулинный — от латинского *masculus* — мужской. В научном языке имеет примерно тот же смысл, что и патриархатный, но подчеркивает иерархический, с господствующим мужским положением, принцип современной культуры. Нередко встречается слово мачизм (от испанского — *machismo* — самец). В современном дискурсе оно обозначает не только половую принадлежность, но также артикулирует все дополнительные определения, корреспондирующие с ним и считающиеся мужскими: агрессивность, наступательность, жесткость, мощь, брутальность, крепость, грубость, сила (ассоциирующаяся с развитой мускулатурой), энергичность, демонстрация волевого компонента, сексуальная мощь» [7, с. 73].

Как и другие гендерные категории, «маскулинность» не имеет пока однозначного определения и употребляется как для обозначения совокупности поведенческих и психических особенностей, присущих мужчинам в отличие от женщин, так и для обозначения символической культуры общества, совокупности социальных представлений о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются. Кроме того, термин «маскулинность» употребляется как нормативный эталон «мужчинности», т. е. не для описания среднестатистических характеристик реальных мужчин, а для формирования образа «настоящего» мужчины.

Несмотря на широко распространенное представление о маскулинности современных типов культур, о доминировании маскулинности в структуре социальных отношений, — изменения гендерного порядка и гендерной структурированности современных обществ сильно различаются. Особенно наглядно это проявляется в характере и темпах изменения образа маскулинности в разных странах, даже в разных социальных слоях одной страны, в разных социально-возрастных группах и среди разных типов мужчин. Так, например, классический канон маскулинности широко используется в формировании имиджа российского политика. И если образ «большого и сильного мужика» способствовал успеху Б. Ельцина или А. Лебедева, то в образе В. Жириновского ощущается симуляция мачизма. Агрессивная маскулинность является неотъемлемым атрибутом формирующегося российского бизнеса. Учитывая, что значительная часть современного легального бизнеса имеет теневое или даже криминальное происхождение, неудивительно, что в этой среде культивируется «силовое предпринимательство», а в социальное и культурное пространство страны этот слой привносит культ силы, пренебрежение к ценности человеческой жизни, готовность к применению насилия как подлинные проявления «мужской» жизни. Кажущееся доминирование классического типа маскулинности в российском социуме вызывает сомнение, когда обращаешься к трансформации образа современного солдата. Солдат — живое воплощение маскулинности, армия — школа мужественности, именно таков классический канон. Сегодня солдат в массовом общественном сознании — мальчик, над которым издеваются «деды» и командиры, посылая его, слабого, неумелого, в самые горячие и страшные места. Более того, защитником солдата сегодня выступает его мама, которая может даже забрать его из армии. Так, один из немногих демократических институтов новой России — Комитет солдатских матерей — объективно отражает природу меняющейся маскулинности.

Массовая культура, на ценности которой ориентирована значительная часть подрастающего поколения, тоже не предлагает образцов классической маскулинности. Так, за исключением группы «Любэ» и исполнителей блатной песни (аудитория которых, по большей части мужская, и относится к группе «взрослых» слушателей от 25 и старше) на современной эстраде мачизм не используется. В 70-е годы выражением маскулинности был рок, а сейчас он становится маргинальным, круг его слушателей — не только мужская аудитория, да и сам рок дифференцирован от классического хеви-метала («Ария»), до рокапопса («Мумий Тролль»).

Трансформация гендерной структуры общества, изменение привычного гендерного порядка носит объективный характер. Актором этих социальных изменений выступают не мужчины, а женщины — социальное положение, деятельность которых, социальные роли изменяются быстрее и радикальнее, чем мужские. Взаимоотношения полов в современном постиндустриальном обществе не исчерпываются традиционными темами сексуальности, семьи, брака, родительства, а включают в себя работу, профессию, политику, экономику. Во всех сферах жизнедеятельности постиндустриального социума происходит трансформация гендерной структуры и, как следствие, изменение гендерных ролей. У. Бек называет этот процесс «высвобождением из мужской и женской роли», определяет пять основных непересекающихся условий высвобождения, прежде всего, женщин из традиционной женской роли:

— увеличение ожидаемой продолжительности жизни вызывает сдвиг в биографической структуре, в протяженности жизненных фаз. Жизнь ради детей стала для женщин проходным жизненным этапом, за которым следует еще три десятилетия «опустевшего гнезда» — вне традиционного средоточия женской жизни;

— реструктуризация домашнего труда. С одной стороны, социальная изоляция домашнего труда, не как структурный его признак, а как продукт исторического развития, а с другой стороны, — процесс технической рационализации домашнего труда. В совокупности изоляция и рационализация приводят к деквалификации домашнего труда, которая толкает женщин, ищущих наполненной жизни, к профессиональной деятельности вне дома;

— освобождение женской сексуальности от рока материнства, благодаря развитию противозачаточных средств и формированию правовых возможностей прерывания беременности;

— рост числа разводов как показатель непрочности брачного и семейного обеспечения. Женщины «освобождены», т. е. отрезаны от пожизненной гарантии экономического обеспечения со стороны мужчины, а значит, они устремились на рынок труда;

— уравнивание шансов на образование, которое отражает сильную профессиональную мотивацию женщин.

Все это — демографическое высвобождение, деквалификация домашнего труда, предупреждение беременности, развод, участие в образовании и профессиональной деятельности — показывает степень высвобождения женщин из заданностей их современной, сословной женской судьбы, и высвобождения безвозвратного [1, с. 166–168].

Высвобождение из мужской роли связано с активным влиянием женщин на гендерный порядок, но ситуация у мужчин совершенно иная. В мужском ролевом стереотипе работника-профессионала соединяются экономическая индивидуализация и традиционное мужское поведение. У мужчин самостоятельное экономическое обеспечение и давняя ролевая идентичность совпадают. Отцовство никогда не являлось препятствием для профессионального образования, карьеры. Противоречия содержатся в самой профессиональной мужской роли: полная отдача профессии ради чего-то, чем потом невозможно заняться ввиду отсутствия свободного времени, трата времени, сил на профессиональные задачи, с которыми невозможно себя идентифицировать, и т. п. Существенные импульсы для высвобождения из мужской роли не имманентны, а наводятся извне — через изменения женской роли. Причем, с одной стороны, мужчины сбрасывают иго единственного кормильца, но при этом становится ненадежной семейная гармония. Мужчина начинает догадываться о своей несамостоятельности в повседневной жизни и о своей эмоциональной зависимости. В этом и заложены важные импульсы расшатывания идентификации с заданностями мужской роли и опробованию новых форм жизни [1, с. 170].

Невозможно сегодня рассматривать гендерную структуру общества без анализа изменений в социализации мальчиков. XX век — век всеобщего и, как правило, совместного обучения девочек и мальчиков. Степень влияния института образования сопоставима с влиянием института семьи, а в конце столетия повсеместным стало утверждение о значительном ослаблении воспитательного влияния семьи, о самоустранении родителей из процесса социализации детей. Совместное обучение девочек и мальчиков уменьшает половую сегрегацию, создает предпосылки для психологически комфортных последующих взаимоотношений мужчин и женщин во всех сферах общественных отношений. Классический канон воспитания мускулинности сводился к формированию самообладания у мальчиков, нежность и чувствительность считались проявлением слабости и женственности. Совместное обучение приводит к тому, что ожидания взаимопонимания и бережного отношения со стороны девочек, девушек влияет на формирование соответствующих норм и стереотипов мужского поведения. Чувствительность и деликатность, мягкость и элегантность, которые в

XIX считались необходимым проявлением воспитанности мужчин высшего класса (да и то только в определенных областях, например, в отношении к искусству), — постепенно распространяются на все сферы гендерных взаимоотношений, становятся типичным ожиданием женщин в отношении к мужчинам.

Проявление специфики социализации мальчиков, вызванные институциональным влиянием образования, распространяются и на взаимоотношения между мужчинами. Изменяется характер взаимоотношений между мальчиками, юношами, мужчинами, что, в свою очередь, вызывает смещение структуры гендерных отношений в обществе. Мужские взаимоотношения традиционно строились как соревновательные и иерархические. Постиндустриальное общество отвергает канон успешности сильного и агрессивного мужчины, утверждая идею успешности умного и креативного. Социальные достижения таких мужчин распространяются и на их потомство, а это означает, что именно этот тип мужчин наиболее привлекателен и для современных женщин. Изменяется характер мужской сексуальности. Понятие секса как завоевания и достижения сменяется ценностями партнерского секса, основанного на взаимном согласии. Еще одним признаком изменения взаимоотношения мужчин является рост терпимости к гомосексуализму. Однополая любовь подрывает иллюзию абсолютной противоположности мужского и женского. Нормативные запреты классической маскулинности на однополую любовь постепенно ослабевают в современном обществе. Наибольшую терпимость к гомосексуальности проявляют молодые и образованные люди, при этом значительного роста признающих себя геями не наблюдается. Таким образом, даже сексуальная идентичность перестает быть нормативным признаком маскулинности.

Сводить причину изменения характера и темпов социализации мальчиков только к институту образования было бы неправильно, односторонне. Тем более, есть достаточно широко распространенная точка зрения, утверждающая, что вся система образования построена на доминировании маскулинной культуры. «С детского сада до аспирантуры и докторантуры все отношения внутри образовательных учреждений воспроизводят заложенные в культуре представления о женщинах как подчиненных, зависимых, почтительных и не стремящихся к достижениям, а о мужчинах как доминирующих, независимых и «достижительных». Этот процесс не является явной или намеренной целью образования, и лишь немногие преподаватели осознают, что он происходит» [9, с. 102]. Для обозначения принципов идентификации гендерного подхода в системе образования в литературе сейчас используется понятие «скрытый учебный план». Е. Ярская-Смирнова определяет скрытый учебный план через организацию самого учреждения, включающую гендерные отношения на работе, гендерную стратификацию учительской профессии. Во-вторых, относит сюда содержание предметов и, в-третьих, — стиль преподавания [9, с. 102–103]. Подробный анализ статистической информации и материалов социологических исследований не только российских авторов, но и западных приводит автора к выводу о гендерной стратификации образовательного учреждения, где наибольший карьерный рост обеспечен мужчинам, а женщины занимают подчиненное положение. Базовый средний оклад преподавателей-мужчин на 35% выше, чем средний оклад преподавателей-женщин. Образовательные учреждения не только предоставляют, но и ограничивают возможности карьеры. Скрытый учебный план присутствует и в содержании предметов. В текстах учебных пособий, убранстве аудиторий, языке занятий скрыты признаки гендерного неравенства. Мужские персонажи оказываются наиболее видными, активными и включенными в те сферы жизнедеятельности общества, которые выступают для него определяющими [9, с. 103–104]. Кстати, на уровне структур высшего профессионального образования, где учебный предмет прямо связан с уровнем научных достижений в данной области, гендерный аспект содержания образования еще более очевиден. Анализ гносеологических оснований науки, исследование зависимости субъекта и объекта познания от гендерных стереоти-

пов позволил показать сторонникам феминистского подхода изначальную «гендерную нагруженность» науки. «Патриархатная власть» проявляется даже в самой сути научного метода: западная наука изначально ориентировалась на мужские парадигмы, на представления о том, что «знание – сила», покорение природы — высшая доблесть. Идея о том, что научная практика зависит от социальных и политических факторов, — не нова, но феминистский анализ развития науки показал те механизмы, с помощью которых гендерные верования и стереотипы вмешиваются в производство научных знаний [4, с. 112, 113, 118].

Еще одной из причин изменения характера мужской социализации является изменение института семьи и взаимоотношений в ней. По данным выборочной переписи населения 1994 года, 20% российских семей с несовершеннолетними детьми были неполными и 19,6% всех детей рождены вне брака. Исследования отечественных и западных социологов роли матери в семье, характера ее влияния показывают доминирующее влияние матери на несовершеннолетних детей. Это, правда, не распространяется на сферу информации в области политики и спорта. Физическое присутствие отца в семье не обеспечивает его решающего влияния на воспитание детей.

В формальных детских и подростковых организациях еще с советских времен (пионерских, комсомольских) тон задавали девочки, три четверти секретарей школьных комсомольских организаций составляли они. Разрушение системы детских и подростковых организаций коммунистического типа не привело к доминированию мальчиков в новых структурах формальных общественных объединений. Лишь неформальные объединения, «уличные» группы и компании позволяли мальчикам, юношам демонстрировать власть и подчеркнутую маскулинность. Не случайно и в России, и на Западе большинство молодежных групп асоциальной направленности подчеркнуто мизогинны.

Таким образом, утверждение об изменении характера и темпов социализации мальчиков не является очевидным, бесспорным, хотя и имеется множество подтверждающих это явление фактов. Неоднозначно в современной литературе трактуются и причины изменений социализации мальчиков. Еще более сложным и неисследованным является вопрос о типологии маскулинной субкультуры в процессе социализации.

Проблема типологии маскулинной субкультуры в процессе социализации не может быть решена только средствами теоретического анализа. Мы предположили, что существуют различия в социализации мальчиков, а следовательно, и в типах маскулинной субкультуры, которые определяются принадлежностью к определенному социальному слою, типу поселения, возрастной группе. Для проверки ряда гипотез, связанных с характеристикой социализации современных городских подростков, в сентябре–октябре 2002 года нами было проведено эмпирическое исследование, объектом которого выступили 16–17-летние юноши, т. е. подростки одной возрастной группы. Опрос проводился в школах города Тюмени по квотной выборке, главным признаком которой был тип учебного заведения: обычная общеобразовательная школа, гимназия, школа с профильными классами. Было опрошено более пятисот подростков, к машинной обработке принято 489 анкет. Одной из основных задач обследования было выявление проявлений толерантности и экстремизма в маскулинной культуре, поэтому для сравнения полученных результатов опроса «нормальных» подростков по аналогичному инструментарию бы проведен опрос 16–17-летних заключенных, отбывающих наказание в колонии для несовершеннолетних под Тюменью (при анализе использовались анкеты только тех заключенных, которые были городскими жителями). Заключенных-респондентов был 201 человек. Таким образом, группа опрошенных подростков оказалась однородна по двум значимым для проекта признакам — возрасту и месту жительства. Дифференциация по социальному статусу производилась на основании уровня образования и сферы занятости родителей.

Одновременно с опросом юношей проводился опрос экспертов, в качестве которых выступили школьные учителя — 91 человек, 47 мужчин и 44 женщины (в процентном соотношении — 53,2% мужчин и 46,8% женщин).

Для типологии маскулинной субкультуры использовались следующие индикаторы:

- свобода—ответственность;
- долг—гражданственность;
- семья—любовь;
- работа—профессия;
- этничность—конфессиональность;
- армия—патриотизм;
- компания—молодежные субкультуры;
- бедность—богатство;
- спорт—физическое развитие;
- здоровье—алкоголизм, наркомания, курение.

Степень выраженности признаков, их группировка, характер взаимосвязи и позволили типологизировать современные особенности маскулинной субкультуры городских подростков. Наиболее отчетливые различия выражены либо в крайней агрессивности, либо в форме толерантного отношения к той или иной сфере общественных отношений и самоидентификации.

В настоящей статье предметом анализа выступают только крайние позиции типологии маскулинной субкультуры — толерантность и экстремизм. Итак, отношение к важнейшим социальным институтам общества — государству, армии, семье; самодентификация в социальной структуре, этнической и конфессиональной принадлежности; профессиональной сфере, а также выбор здорового образа жизни, социально-позитивного характера поведения выступают основанием для выявления уровня толерантного и экстремистского типов маскулинной субкультуры, процентного их распределения в общей типологии.

Всем опрошенным и экспертам был задан вопрос о качествах «настоящего мужчины». В число альтернатив были включены: свободный, независимый; с развитым чувством долга; терпимый, понимающий; интеллигентный; специалист в своем деле; хороший семьянин, отец; сильный, уверенный в себе; нежный, заботливый; агрессивный, вольнолюбивый; образованный; патриот своей страны; спортивный, физически развитый. В число наиболее значимых качеств попали у школьников сильный, уверенный в себе (57,7%), хороший семьянин (40,5%) и свободный, независимый (32,3%). На первое место осужденные подростки поставили такие качества, как хороший семьянин (52,7%) и умный (50,3%). На втором, со значительным отрывом, идет толерантность (31,8%). Свободным, независимым видят мужчину только 23,4% заключенных юношей. Итак, в группе наиболее значимых качеств как для обычных школьников, так и для тех подростков, которые уже преступили закон, оказались свободолюбие и качества семьянина, отца. Показательным в этом случае является расхождение в отношении к силе, независимости, нетерпимости как к проявлению мужской сущности. Подростки с негативным опытом социальных отношений, те, кто знают о насилии и нетерпимости не понаслышке, больше склонны ценить в людях человечность, терпимость, способность к взаимопониманию, нежели демонстрацию «крутизны». Интересно, что для экспертов свобода и независимость вообще не попали в группу приоритетных мужских качеств. Для них мужчина — это хороший семьянин, отец, муж (68,1%), человек с высоко развитым чувством долга (42,3%) и классный специалист в своем деле (27,7%). Различия по полу в оценке приоритетной группы качеств между экспертами достигают 6–10%. В отношении качеств толерантности большие ожидания высказывают женщины-эксперты, а вот взрослые мужчины не придают этому свойству большого значения, только 12% из них считают, что настоящий мужчина должен быть терпимым, понимающим.

Для анализа ценностного сознания молодежи наиболее значимым является выявление соотношения свободы, независимости, долга и ответственности. Рейтинг двух первых качеств у подростков по итогам нашего опроса — один из наиболее высоких. А вот развитое чувство долга истинно мужским качеством считают от 14 до 18% респондентов (причем доля несовершеннолетних преступников здесь выше и их оценки взаимосвязи свободы и ответственности сопоставимы — 23,4 и 18%). Расхождение ценности свободы и ответственности, долга у школьников — более чем в два раза. Это результат не является неожиданным, более того, он подтверждает, что именно «новое поколение» в основном является носителем идеи свободы «от», свободы без ответственности перед кем-либо или чем-либо. «... получается, что мы за свободу, но без долга, этого обременительного доверка свободы. Люди достаточно искренне ратуют за свободу, но за свободу поступать как им выгодно. Беспредел начинает проявляться в том, что человек поступает в соответствии не с общепринятыми нормами, не сообразно долгу, а в соответствии с эгоистическим замыслом. Хотели мы того или нет, но в обществе расцветает эгоизм во всех его проявлениях: от мелкого (как бы меня не ограничили в моих желаниях) до крупного (кто стоит на моем пути, того можно и нужно убрать). Поэтому происходит массовое отчуждение от всего, что напоминало бы людям о долге» [8, с. 361].

В первую очередь, в массовом сознании происходит отчуждение от представлений о долге перед государством, страной, чем бы это отчуждение ни мотивировалось. В нашем опросе каждый пятый подросток (удивительно, что здесь практически одинаковые оценки у осужденных подростков и городских школьников) выразил сомнение, что даже в случае военной угрозы его сверстники встанут на защиту Родины. Правда, более половины из них считают, что все их сверстники или большинство будут защищать свою Родину. Различия в этой оценке у опрошенных подростков более заметны: осужденные юноши чаще уклонялись от ответа на этот вопрос, и положительный ответ выбрали 53,2% против 68,8% старшеклассников. Вероятно, для большинства осужденных подростков понятия о Родине и государстве недостаточно дифференцированы, и большинство из них считают, что государство не по справедливости обошлось с ними, лишив свободы. Защищать такое государство — отвечать на несправедливость покорностью, а это проявление слабости. И, вместе с тем, значительная часть молодежи (37,4% школьников и 32,4% осужденных) утверждают, что именно их поколение сможет превратить Россию в процветающую страну. Интересно, что эта позиция совпадает с оценкой экспертов, 35% которых утверждают то же самое. Позиция крайнего индивидуализма характерна для меньшей части поколения, в целом каждый десятый школьник и каждый восьмой осужденный настолько непатриотичен, что не только не согласен защищать свою Родину, но даже стремится уехать из России навсегда.

Изучение значимости гражданственности, патриотизма, долга и свободы проводилось с помощью прямых и косвенных вопросов. В целом по массиву опрошенных школьников около трети из них могут быть отнесены к группе с устойчивыми, сформированными ценностными ориентациями гражданского характера и около десяти процентов — настроены антипатриотично. В группе осужденных подростков последняя группа несколько больше — около двенадцати процентов. Различие в два процента, учитывая объем выборочной совокупности, можно считать статистически достоверным, но распространять на всю генеральную совокупность этот вывод нужно с достаточной осторожностью. (Здесь необходимо учесть, что группа осужденных подростков достаточно однородна по социальному составу, в ней преобладают дети малообразованных родителей из рабочих семей, в то время как в группе школьников представлены все социальные слои).

Степень толерантности в блоке национальность, конфессиональность измерялась по известной методике — измерению степени допустимой близости контакта (отно-

шение к людям другой национальности в совместной работе, формальных институционализированных контактах; общение в дружеском кругу; возможность создания семьи с женщиной другой национальности).

Более половины опрошенных школьников и заключенных абсолютно уверены в том, русские в России должны иметь преимущество в получении образования, управлении страной, бизнесе. 61% школьников и 49,3% осужденных подростков признаются в том, что есть национальности, вызывающие у них неприятие, отторжение; менее половины респондентов согласны на институциональные контакты с представителями других национальностей (часто не всех, не вообще «других», а определенных, некоторых). Вместе с тем, более 60% молодых людей утверждают, что смогут дружить и дружат с людьми других национальностей. Этому кажущемуся противоречию есть объяснение — тюменский регион многонационален, детство и юность мальчиков проходит в многонациональной среде сверстников, где друзей выбирают не по признаку национальности. Поэтому их предпочтения в области межнациональных отношений часто происходят не из практики социального взаимодействия, а носят абстрактный, «головной» характер. Особенно наглядно это проявляется в отношении к формам религии. Кстати, именно в вопросах религии и религиозного сознания по двум группам респондентов наблюдаются наибольшие различия: абсолютное большинство заключенных подростков — 82% — уважительно относятся к религии, большинство из них признает себя верующими. Среди старшеклассников больше тех, кто безразличен к вопросам веры, и только около 40% признают социокультурную ценность религиозного сознания. Религиозная нетерпимость характеризует группу несовершеннолетних преступников, более 60% из них считают, что господствующей в России должна быть православная вера (среди школьников таких все те же 40%).

Наиболее близкие социальные контакты межнационального характера неприемлемы для 40% респондентов, именно столько из них отрицают возможность создания семьи с девушкой другой национальности. Для многонационального региона, где очень широко распространены межнациональные браки, этот итог выглядит парадоксально, свидетельствует о неблагополучии в сфере воспитания, о наличии неблагоприятных факторов социализации.

Вопросы, связанные с созданием собственной семьи, значением любви в жизни мужчины, показали, что группа романтически настроенных подростков — примерно третья их часть, — является общей для всей возрастной группы. Остальная часть юношей проявила классический сексизм в вопросах пола, утверждая, что любовь важна, но не первостепенна, что любовь лишь дополняет полноценную жизнь мужчины, что для мужчины важнее добиться успеха, власти, богатства и т. д. Интересно, что в группе школьников значимость самореализации через критерии жизненного успеха — богатства, власти втрое выше, чем у осужденных подростков. Вероятно, их представления о полноценной мужской жизни измеряются другими критериями. Группа осужденных проявила большую приверженность классическим канонам взаимоотношения полов: так, каждый пятый заключенный подросток утверждает, что женится только на девственнице или той девушке, у которой он был первым сексуальным партнером. Для старшеклассников это не так важно, здесь в этой группе только каждый десятый, зато 60% из них уверены, что добрачный сексуальный опыт — не помеха для создания семьи.

Таким образом, сексизм как признак классической маскулинности — наиболее характерен для группы агрессивных подростков. А вот принципиального различия в отношении к гомосексуализму в двух группах респондентов не выявлено, более половины (с разницей в три процента) опрошенных относятся к геям с отвращением и презрением. При этом необходимо учитывать, что для осужденного подростка выбор сексуального поведения не всегда свободен, поэтому мотивация высказанного отношения, конечно, различается по обследованным группам.

Самоидентификация молодежи по признаку «бедность–богатство» изучалась нами через отношение к легитимным и нелегитимным способам достижения материального благополучия, роли работы в жизни молодого человека, требования к работе, отношения к «новым русским». Старшеклассники в большей степени, чем их сверстники–заключенные, склонны считать богатство критерием жизненного успеха: 63,8% против 39,8%. При этом одинаковое число респондентов в той и другой группах (42%) относятся к «новым русским» достаточно безразлично, не выказывают ни неприязни, ни уважения. В группе заключенных подростков ненависть к новому слою собственников выразили вдвое больше опрошенных, чем в группе старшеклассников (13,9 против 6,1 процентов). Вероятно, это объясняется не столько жизненным опытом молодых людей, сколько разницей в их социальном происхождении, т. е. феноменом «классовой ненависти». Требования, которые предъявляют юноши к своей будущей работе, также значительно различаются: старшеклассники ждут от трудовой деятельности возможности самовыражения, а для заключенных важно, чтобы она была легкой и престижной. Рейтинг оплаты труда примерно одинаков для обеих групп: это качество работы входит в группу наиболее важных ее характеристик.

Самостоятельный блок опросника был связан с наличием и характером подростковых компаний, их направленностью, степенью распространения форм асоциального поведения и вредных привычек — курения, алкоголизма, наркомании. Здесь, как и следовало ожидать, выявились существенные различия по группам респондентов. Прежде всего это относится к ближайшему окружению подростков — их компании. В той и другой группах абсолютное большинство — 80 и 95 процентов подростков — имели свою, чисто мужскую компанию. Сегодня многие исследователи рассматривают молодежные компании как гомосоциальное поле, где постоянно происходит процесс создания маскулинности, в том числе и посредством различных насильственных практик [6, с. 151]. Для современной молодежной субкультуры крайняя степень экстремизма выражается в существовании фашистских группировок. Несмотря на генетическую память борьбы нашего народа против фашизма, абсолютного иммунитета против фашизма нет, как нет его ни у одного народа. «Современный русский фашизм весьма многолик. В нем сосуществуют (причем подчас в довольно острой «внутривидовой» борьбе) различные мини- и микророжки, доктрины, течения и группировки. Общее число фашистских и профашистских организаций, существующих в России в начале 2002 г., назвать невозможно, так как довольно часто прекращают по тем или иным причинам свое существование одни из них и возникают другие, постоянно происходят расколы или слияния; отдельные группы меняют свои названия... В Москве сейчас самое большее около 7,5 тысяч правых экстремистов разных мастей» [5, с. 174–175].

В молодежной субкультуре наиболее выраженной экстремистской направленностью отличаются скинхеды. Среди тюменских школьников положительно отношение к ним выразили более 15 процентов, причем 2,9% признали, что сами принадлежат к этой группировке. При этом молодежь не заблуждается относительно характера этой субкультуры, более половины из них определенно отнесли скинхедов к фашистским организациям. Не знает об этом молодежном движении и о наличии групп скинхедов в Тюмени только десятая часть юношей, более 80 процентов утверждают о существовании этих групп в городе. Те же 15% считают эту молодежную субкультуру выражением патриотизма, а не фашизма.

Распространенность алкоголизма и наркомании в среде несовершеннолетних осужденных значительно выше, практически вдвое, что, впрочем, является ожидаемым результатом.

Итак, анализ социализации городских подростков показывает изменение характера и типов формирования маскулинности. Гомосоциальным полем социализации

выступают только неформальные подростковые компании, продолжающие сохранять устои и принципы классического канона маскулинности, часто за счет социальных практик, сопряженных с насилием. Процентное соотношение толерантности и экстремизма в маскулинной культуре демонстрирует увеличение гетеросоциальности поля формирования личности. Экстремистские позиции и ценностные ориентации характерны для меньшей части поколения, в целом рейтинг таких позиций (за исключением форм межнационального взаимодействия) не превышает двадцатипроцентного барьера. Важнейшим институтом, способствующим формированию и поддержанию специфических маскулинных ценностей, самосознания и стиля жизни, является иерархическое мужское сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска / На пути к другому модерну / Пер. с нем. М., 2000.
2. Бороденко М. В., Колясникова М. В., Петровский В. А. Феномен гетерогенности пола // Мир психологии. 2001. № 4.
3. Визигина А. В., Пантлеев С. Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. 2001. № 3.
4. Виноградова Т. История науки: версия феминизма (обзор литературы) // Высшее образование в России. 2001. № 6.
5. Дадиани Л. Я. Размышления о современном русской фашизме // Социальное согласие и толерантность в современном мире Отв. ред. Голенкова З. Т., Денисовский Г. М. М., 2002.
6. Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том 5. № 1.
7. Трофимова Е. Словарь гендерных исследований // Высшее образование в России. 2001. № 3.
8. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
9. Ярская-Смирнова Е. Неравенство или мультикультуризм? // Высшее образование в России. 2001. № 4.

Гарольд Ефимович ЗБОРОВСКИЙ —
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой социологии
Гуманитарного университета, доктор
философских наук, профессор
Наталья Борисовна КОСТИНА —
профессор кафедры социологии
Уральской академии государственной
службы, доктор социологических наук

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одним из аспектов мировоззренческой толерантности является поиск механизмов сотрудничества верующих разной конфессиональной принадлежности. Эта проблема тем более важна, что в России за многовековое преобладание православия и почти столетнее господство атеистической идеологии не сформировано традиций терпимого и уважительного отношения к инакомыслию и инакочувствованию. Только в последние годы диалог религий начинает осознаваться как одна из важнейших